

После урока физкультуры огромный кампус погрузился в тишину — из всех учеников осталось только шестеро. Пустынные дорожки дышали безмолвием. Едва выпавший чёрный снег успел скрыть следы крови, и теперь ничто не напоминало о разыгравшейся здесь трагедии.

По пути в класс Иту столкнулся с Цюй Баем и Ван Сяолэем. Оба выглядели измождёнными, их лица омрачала тяжесть пережитого. Парень держал спутника за одну руку, а другой тот прикрывал пустую глазницу — зияющую черноту, от которой веяло ужасом. Ван Сяолэй знал, что раны, полученные на карточном поле, исчезнут после выхода, но слишком реалистичная боль всё ещё отдавалась в его памяти волнами запоздалого страха.

Троица встретилась, но слова застыли на устах.

— Скоро всё закончится, — нарушил молчание Иту, тихо вздохнув.

Цюй Бай на мгновение замер, а затем кивнул.

— Да, скоро.

Вернувшись в класс, они застали там остальных троих. Цзян Ханьюй по-прежнему сидел на своём месте и с безразличным видом перебирал в руках два золотых билета. Пустующие вокруг парты, казалось, ничуть его не трогали. По сравнению с подавленным состоянием остальных, он выглядел на удивление расслабленным и уверенным в себе. Вероятно, он давно привык к капризам жизни и смерти в играх и к неизбежной после них апатии.

Иту на миг замешкался в дверях, но Цзян Ханьюй поднял голову, и их взгляды встретились.

— Иди сюда.

Иту прошёл и сел на своё место. Мужчина протянул ему один из билетов.

— Это... билет в театр?

— Угу, — подтвердил Цзян Ханьюй. — После выполнения обязательного задания сюжет карточного поля автоматически продвигается до восьмидесяти процентов.

Их собственный прогресс, до этого момента ползший черепашьим шагом, застыл на отметке в сорок три процента. Этот золотой билет с надписью «Снежная ночь» должен был легко довести его до нужной отметки. Как только сюжет достигнет требуемого уровня, появится карта двери. Теперь им оставалось лишь терпеливо ждать.

— Билеты выдал учитель физкультуры, их получили все выжившие? — спросил Иту.

Цзян Ханьюй кивнул.

— Это награда за участие в игре.

Только выжившие игроки получают билеты, продвигая тем самым сюжет. Иту сжал в руке тонкий картон, его брови слегка сошлись на переносице.

— А что произойдёт, если никто не выживет?

Рука Цзян Ханьюя на мгновение замерла.

— Такого не бывает. Всегда остаётся хотя бы один.

Иту поднял взгляд и утонул в чайных глазах мужчины, глубоких и тёмных. Он больше не спрашивал, а собеседник не стал ничего объяснять. Несмотря на то, что они были знакомы меньше трёх дней, в некоторых вещах между ними царил поразительное взаимопонимание.

Класс опустел наполовину, и продолжать занятия было невозможно. Судя по всему, в ближайшие дни учителей больше не будет. В расписании на утро оставалось два урока самостоятельной подготовки. На всякий случай они решили не покидать класс и отдыхали до самого обеда.

После обеда Иту проверил рейтинг игроков. Количество рекомендательных билетов практически стабилизировалось. Если никто из них больше не умрёт, серьёзных изменений в голосовании уже не предвидится.

Время спектакля в театре ещё не наступило, и Иту от нечего делать болтал с Ван Сяолэем. На билетах было указано время начала «Снежной ночи». Утренний сеанс они уже пропустили, оставался только дневной, с двух до четырёх, так что приходилось ждать.

Ван Сяолэй, лишившийся глаза, был не в духе. После игры в прятки все, кроме Цзян Ханьюя, в той или иной степени пострадали от чёрного снега. Чёрные снежинки, попадая на открытую кожу, оставляли на ней трещины. Хоть это и не было смертельно, но обилие таких отметин угнетало. К половине второго правая рука Иту почти полностью онемела.

И он был не единственным, кто столкнулся с этой проблемой. Когда Цюй Бай попытался встать со своего места, он едва не упал. Ван Сяолэй испуганно вскрикнул:

— Хао-гэ, что с тобой?

Цюй Бай побледнел и лишь спустя мгновение смог выговорить:

— Нога не двигается.

Он закатал штанину. По всей голени, словно змеи, расползались чёрные трещины. Он даже не заметил, когда этот проклятый снег, не приносящий никаких ощущений, успел попасть под одежду. В то же время Цзян Чжун, сидевший в стороне, обнаружил, что его шея полностью затекла и почти не поворачивается. Он знал, что ему на затылок попало немало снега, но не думал, что всё окажется настолько серьёзно.

Лишь Ван Пэйци, всегда державшийся особняком, молчал. У него не было желания жаловаться, он просто разминал застывшую левую руку правой.

Все прекрасно понимали: если это карточное поле не закончится в ближайшее время, они все погибнут от этого коварного чёрного снега.

Ровно в два часа Иту, взяв золотой билет, вместе с остальными спустился вниз и направился к театру. Небольшое здание теперь сияло разноцветными огнями, а афиша у входа была обновлена.

[Последний показ небольшого школьного спектакля «Снежная ночь» вот-вот начнётся. Учащиеся, получившие билеты, пожалуйста, пройдите через турникет для проверки!]

Цзян Ханьюй первым подошёл к турникету и вставил свой билет. Загорелся зелёный свет, и створки открылись. Остальные последовали за ним.

Войдя внутрь, Иту обнаружил, что в театре царит кромешная тьма. Им приходилось наощупь пробираться между рядами кресел. Пока он шёл, остальные разбрелись кто куда. Иту уже собирался сесть на первое попавшееся место, как вдруг в темноте его запястье мягко обхватила длинная рука и слегка потянула за собой.

Он обернулся и увидел в полумраке изящный профиль Цзян Ханьюя. Сердце Иту дрогнуло, и он послушно сел рядом.

Их места оказались в центре, не слишком близко к сцене. Зал был практически пуст, так что они могли выбрать любое удобное место для просмотра. Ван Сяолэй и Цюй Бай сели чуть левее и ниже их.

Внезапно яркий луч белого света ударил в центр сцены, и красный занавес разошёлся в стороны. Спектакль начался. Но когда Иту разглядел декорации, на его лице отразилось изумление.

Это был их класс, тот самый, в котором они очутились в самом начале. Среди чинно сидящих за партами учеников Иту увидел... себя. И не только себя — слева от «него» сидел Цзян Ханьюй с его аристократичным профилем и идеально прямой спиной.

«Мы что, персонажи пьесы?» — нахмурился Иту.

Все выжившие игроки появились в спектакле, сохранив свои лица и личности. А вот умершие были стёрты с поля, не оставив и следа. Иту скользнул взглядом по лицам учеников и вскоре нашёл на последнем ряду Е Ли.

На лице девушки было большое красное родимое пятно, которое начисто портило её миловидные черты. Из-за своего маленького роста ей приходилось носить громоздкие очки, чтобы видеть написанное на доске. Она была послушной и хорошей ученицей, одной из лучших в классе, но учителя её почему-то недолюбливали.

Когда в класс вошёл учитель математики, Иту узнал знакомый силуэт. Огромный паук, перебирая тонкими передними лапами, привычно взобрался на кафедру. Повернувшись к классу, он бросил взгляд назад, и Иту заметил, как Е Ли заметно вздрогнула.

Иту не понимал, почему в спектакле учителя по-прежнему сохраняли свой нечеловеческий облик, но их присутствие определённо на что-то намекало.

После строгого урока математики Е Ли, как и ожидалось, вызвали в кабинет. Математика давалась ей с трудом, и её мать попросила учителя-паука позаниматься с дочерью дополнительно. Однако тот заваливал её огромным количеством сложнейших задач, заставляя чувствовать себя ничтожеством и одновременно винить себя в собственной глупости.

— Математика — это плотная и прочная паутина, Е Ли. Ты должна чётко знать, где пересекается каждая нить, — любил повторять учитель-паук. — Если ты не сможешь связать все знания воедино, мои уроки будут напрасны. Если бы твоя мать так не умоляла меня...

Девушка резко подняла голову и посмотрела на своего учителя. В её ясных глазах отразилось уродливое лицо паука. Она впервые осознала, что учитель был прав: математика — это действительно паутина, готовая вот-вот задуть её, маленькую мушку.

— Моя мама... правда умоляла вас? — осторожно спросила она.

Учитель холодно усмехнулся.

— Ты думаешь, я стал бы тебе врать?!

Е Ли больше не смела возразить. Она знала, что мать всегда была к ней очень требовательна. Только так её отец согласился бы вернуться и забрать их обеих.

Эта сцена закончилась тем, что Иту увидел, как Е Ли, опутанная плотной паутиной, задыхается. Худенькая девушка отчаянно билась и беззвучно кричала, но никто не слышал её зова о помощи. Лишь высокий, стройный силуэт юноши надолго замер у её бездыханного тела.

Свет погас и снова зажёгся. Сцена осталась прежней — всё тот же класс. Лица учеников сияли юностью и свежестью. Иту увидел, как «он» бесцеремонно обнимает Цзян Ханьюя за плечи и, наклонившись к самому уху, что-то весело шепчет. В ответ тот награждает его притворно-сердитой улыбкой. Они толкают друг друга, смеясь, и выбегают из класса, по пути опрокинув стопку книг Е Ли. Никто из них не обращает на это внимания.

Е Ли привычно собирает книги и несколько секунд смотрит в пустоту, прежде чем снова взяться за ручку. Она так и не смогла вписаться в окружающую её весёлую и шумную атмосферу, живя как будто в стороне от всех.

Но самым мучительным для неё был урок китайского языка.

Иту увидел учительницу с её прекрасным, но расколотым лицом. Когда она входила в класс, из трещин на её коже вылетали мириады мелких насекомых и забирались ученикам в уши. А затем Е Ли видела, как эти же насекомые тучами вылетают изо ртов её одноклассников.

— Слышали, мамаша Е Ли спит с директором?

— С директором? А я думал, с физруком. Видела на днях, как она с ним шла, прямо липла к нему!

— Правда что ли? А этот физрук, он же вроде жених нашей классной руководительницы?

— Конечно, правда. Но у её матери с нашей классной и так отношения натянутые. Я как-то зашла в учительскую сдать домашку, так они там ругались.

— Ещё бы им не ругаться, жениха уводят! Но её мамаша та ещё штучка, да? Иначе как бы она в нашу школу попала?

— А вы знаете, что мать Е Ли не замужем? Она раньше любовницей у одного богача была!

— Да это вся школа знает, новость мне открыли!

Е Ли в отчаянии зажимала уши, слушая перешёптывания одноклассников. Рой насекомых, вылетавших из их ртов, был готов поглотить её.

И среди всей этой грязи, слухов и косых взглядов был лишь один человек, оставшийся незапятнанным.

Он сидел у окна, подперев голову рукой, и был виден лишь его красивый профиль. Солнечный свет падал прямо на него, окутывая золотистым сиянием. Насекомые не могли проникнуть в его уши, а значит, не могли и вылететь изо рта. Он был настолько чист, что все эти грязные сплетни, казалось, не вызывали у него ни малейшего интереса.

Лицо девушки тонуло в рое насекомых, но её взгляд был прикован к этому юноше. Взгляд, полный тоски и недостижимой мечты.

Только теперь Иту начал понимать, почему учителя выглядели как монстры. Это карточное поле было не столько миром, в котором существовала Е Ли, сколько отражением её внутреннего, полного фантазий мира. Доведённая до отчаяния, она в своём воображении превратила ненавистных учителей в чудовищ. Так и появились учитель-паук и учительница китайского языка с расколотым лицом.

Каждая следующая сцена спектакля раскрывала всё более отчаянный и жаждущий освобождения внутренний мир Е Ли. Учитель английского, постоянно напоминавший ей о её постыдном прошлом, когда она была уличена в воровстве. Учитель физкультуры, похотливо поглядывавший на её мать, — огромный ящер, выжидающий, когда можно будет наброситься на кусок гниющего мяса.

Несмотря на то, что она жила в такой ужасной, враждебной среде, Е Ли цеплялась за единственный лучик света в своей душе и изо всех сил старалась жить. Юноша, появлявшийся рядом с ней, был лишь призрачным, невесомым образом. Её мать, которая заботилась о ней, хоть и предъявляла завышенные требования.

Девушка хотела жить. Она была так молода, у неё были такие хорошие оценки, и впереди её ждало светлое, пусть и воображаемое, будущее. Если бы только она не излила свои чувства на бумагу. Если бы она не позволила тайной любви погубить свою учёбу. Но, увы, «если бы» не существует.

Иту понял, что юноша, в которого была влюблена Е Ли, — это Пэй Цзэ. В каждой сцене он появлялся, окутанный золотым сиянием. Он был настолько не похож на остальных: прекрасное воспитание, благородство, обеспеченная семья — всё это делало его объектом обожания многих девушек в школе. А Е Ли была лишь одной из них, обычной мечтательницей.

Один незначительный жест, одно случайное слово — и в её воображении рождалась целая история любви.

В детстве Е Ли укусила собака. Несмотря на своевременное лечение, она осталась хромой. Девушка почти не выходила из-за своей парты, даже на переменах, потому что боялась насмешек. Стоило ей сделать шаг, как весь класс устремлял на неё взгляды, словно она была обезьянкой в зоопарке.

Теперь Иту понял, почему во время перемен двери класса оставались закрытыми. Не потому, что их запирали для игроков, а потому, что Е Ли сама заперла себя, её страх перед выходом из класса стал непреодолимой стеной.

И для такого крайне неуверенного в себе человека самым страшным испытанием были уроки физкультуры. Разминка перед занятием — медленный бег — причиняла Е Ли невыносимые страдания. Хотя её мать договорилась с учителем, и девочку освободили от пробежки, именно это отличие от остальных учеников делало ей ещё больнее.

А потом были объявлены спортивные соревнования. Весь класс должен был маршировать в парадном строю. Е Ли не хотела участвовать в репетициях. Из-за своего увечья она боялась опозорить класс. Но она не могла об этом сказать. Учительница китайского языка лишь высмеяла бы её и ни за что не пошла бы ей навстречу.

Но тут за неё заступился другой.

Юноша, окутанный золотым светом, снова появился. Пэй Цзэ, проявив такт, нашёл нужные слова. Классная руководительница не нашла причин отказать ему, особенно такому ученику из обеспеченной семьи.

Спасённая Е Ли не могла оторвать от него взгляда.

С тех пор они стали чаще общаться. Прекрасное воспитание и такт юноши заставили Е Ли поверить, что она ничем не отличается от других. Она начала думать: а вдруг она тоже нравится Пэй Цзэ? Вдруг есть хоть малейший шанс?

То любовное письмо было первым и последним, что она написала.

Иту смотрел на сцену. Чжэн Сюсю, девушка, которая нарочно сблизилась с Е Ли, чтобы подобраться к Пэй Цзэ, украла письмо. Она отнесла его классной руководительнице. В тот же день урок китайского языка превратился в показательную порку.

Всё произошло именно так, как они пережили это сами. Унижения и насмешки со стороны учительницы сломили Е Ли. Но ещё большим ударом стало то, что та на глазах у всего класса разорвала письмо в клочья.

Клочки бумаги, словно снежинки, опустились на пол. Некоторые ученики подобрали их, прочитали имя и разразились смехом.

— И у неё хватило наглости написать ему письмо? Думает, такой красавчик, как Пэй Цзэ, на неё посмотрит?

— Пэй Цзэ, Пэй Цзэ! Эта хромоножка, оказывается, в тебя влюблена!

— Пэй Цзэ, тебе стоит задуматься, почему на тебя такие уродины западают, ха-ха.

Оскорбления сыпались на Е Ли со всех сторон. Она лишь отрешённо смотрела на всё так же прямо сидевшего Пэй Цзэ.

Вскоре об этом узнала её мать, слухи дошли даже до завуча. Цю И смотрела на дочь, чьи оценки резко покатались вниз, и её красивое лицо исказилось от сдерживаемого гнева. Но первые её слова были произнесены сдавленным, полным слёз голосом:

— Е Ли, как ты могла так поступить со мной!

Девушка слушала её, и слёзы сами катились по её щекам.

— Твой отец... он давно хотел забрать меня, но я не могла тебя оставить.

Цю И говорила с горечью, будто её предали:

— Я ради тебя на всё пошла! Я говорила твоему отцу, что ты хорошо учишься, что ты всегда была послушной! Что ты будешь прекрасной дочерью и ничем не уступишь его другим детям, несмотря на твою внешность! А теперь что? Е Ли, как ты могла так со мной поступить?

Е Ли стояла как вкопанная, не в силах осознать услышанное. Её родной отец не хотел её признавать. А мать обрушила на неё эту жестокую правду так внезапно, что в голове девушки зародилась мысль о смерти.

Она знала, что её отец — человек влиятельный, добившийся всего в юном возрасте. Иначе разве стала бы Цю И так преданно следовать за ним, даже родив ребёнка вне брака? Но именно поэтому её отец никогда не признает внебрачную дочь с изъяном на лице и хромотой.

— Мама, прости, я была неправа, — плача, просила прощения Е Ли.

Как и в детстве, она надеялась, что мать простит её, как прощала всегда. Но разочарование, копившееся годами, прорвалось наружу, и эта лавина боли была для Е Ли невыносима.

— Сколько раз я тебе говорила! Не делай этого, не делай, почему ты меня не слушаешь! Я просила тебя хорошо учиться, говорила, что отец заберёт нас, почему ты не верила? Я говорила тебе не обращать внимания на слухи, они не имеют права тебя осуждать! Но ты снова и снова позволяла этому влиять на учёбу, а теперь ещё и влюбилась, письма пишешь! Е Ли, ты опозорила своего отца. Он уже знает. Разве Пэй Цзэ тебе ровня? Я старалась, я правда изо всех сил старалась...

Цю И, обняв дочь, разрыдалась.

— А-Ли, почему ты не слушаешь маму! Если бы в ту ночь ты не пошла тайком есть, ты бы не охромела. Если бы ты не охромела, всё было бы не так сложно! Мама так хочет вернуться к папе, А-Ли, почему ты не слушаешь маму!

Е Ли тоже обнимала мать, её лицо было мокрым от слёз. Она могла лишь снова и снова шептать «прости, прости». На самом деле, она давно знала, что была для Цю И лишь обузой.

«Мама, как было бы хорошо, если бы я могла вернуться обратно к тебе в живот».

«Здоровая, красивая, без этой мучительной истории».

Когда Е Ли вышла на крышу учебного корпуса, она подняла голову к недостигаемому небу. С него медленно падали чёрные снежинки.

— Снег пошёл.

Бам.

Тело девушки ударилось о землю, и под ним расцвёл тёмно-красный цветок.

[Прогресс сюжета данного карточного поля достиг 83%. Карта двери обновлена. Просьба к игрокам в течение 18 часов найти карту и покинуть поле!]

<http://bllate.org/book/15886/1435226>